

С. А. Симонов, г. Тюмень

К ВОПРОСУ О САМОБЫТНОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Вопрос о самобытности русской национальной философии еще в последней трети XIX века обсуждался и решался далеко не однозначно. Так, известный религиозный философ В.С. Соловьев утверждал: «Никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем, все, что выступало в этом качестве, ограничивалось одной претензией» [Соловьев 2000: 88].

В полемике с ним тоже религиозный мыслитель П.Е. Астафьев подчеркивал: «Если нет и не может быть русской национальной философии, то нет и не может быть национального самосознания, ибо философия, в отличие от знания предметов, есть самосознание целого духа» [Астафьев 1890: 22-23].

И сегодня этот вопрос, судя по перечню персоналий и общему количеству часов, выделяемых на рассмотрение темы в вузах, не решен удовлетворительным образом. Разумеется, требуется значительное время для осмысления наследия русских мыслителей, труды которых не переиздавались на протяжении целого века.

Можно утверждать, вслед за философом Н.П. Ильиным, что принцип самосознания хоть и не является исключительной особенностью русской философии, но выступает ее теоретической доминантой, не позволяющей поглотить философию богословским «богосознанием» или наукой «миросознанием» [Ильин 2009].

Русские религиозные мыслители А.А. Козлов, В.И. Несмелов, Л.М. Лопатин утверждали и обосновывали реальность индивидуальных субстанций, т.е. осознавали проблему человека как собственную проблему философии и отвергали ложный взгляд на человека, противоречащий данным человеческого самосознания и христианской идее личности.

Сегодня обнаруживается связь между метафизикой Платона и рациональной метафизикой П.Е. Астафьева, Н.Г. Дебольского, Н.Н. Страхова, что уже говорит и о собственной метафизике последних.

В литературе, посвященной своеобразию русской философии, понятие целостность полагается как некая категория и принцип, объединяющие философские искания русских мыслителей.

Так, Н.О. Лосский отмечал: «...идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства», провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих мыслителей. И.В. Киреевский и А.С. Хомяков говорили, что цельная истина раскрывается только цельному человеку. Только собрав в единое целое все свои духовные силы — чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию, нравственный опыт и религиозное созерцание человек начинает понимать истинное бытие мира» [Лосский 1994: 514].

Можно согласиться с тем, что «цельность духа» И.В. Киреевского, «соборность» А.С. Хомякова, «симфоническая личность» Л. Карсавина, «ум» Н.Г. Дебольского (в содержание понятия которого входят одновременно логическая, нравственная и эстетическая стороны человеческого духа) действительно коррелируют с понятием «целостность» в онтологическом, гносеологическом, антропологическом и аксиологическом аспектах философского знания.

Но есть еще одна сторона «цельного знания», на которую редко обращают внимание современные исследователи русской философии.

Цельное знание — это знание цели, причем в ее вполне конкретном выражении. Данный тезис можно прокомментировать на примере одной из работ Н.Г. Дебольского «О высшем благе или верховной цели нравственной деятельности» [Дебольский 1886:108-109].

Основным вопросом этики, с позиции этого мыслителя, является вопрос о конечной цели нравственной деятельности, т.е. в чем «высшее благо» и верховная цель совпадают.

Дебольский указывает на уклонение от конкретизации цели в этике И. Канта. Если человек — цель нравственной деятельности, то в чем состоит конкретизация верховной цели (относиться к человеку к цели как цели)? Как поступать и к чему конкретно стремиться? Как по его мнению, самоопределяется осознавший свою свободу дух в философии Гегеля?

Далее Дебольский говорит об организме целей, о гармоничном сочетании всех родов деятельности. По его мнению, все цели «законны и добры, но права целей различны», необходима правильная мера для каждой цели, которые в совокупности объединяет верховная цель, выходящая за пределы нравственной деятельности человека, поскольку цель нравственной деятельности и цель мирового развития не совпадают. Исходя из этого, будучи безусловным представителем русской христианской философии, Н.Г. Дебольский подчеркивал, что конкретная цель нравственной деятельности устанавливается не религией. Отсюда следовало, что человек не должен перекладывать ответственность за достижение цели и за ее содержание на Бога, поскольку Он «отвечает за то, что мы различаем добро и зло, но не за то, что мы считаем добром и злом». Знаменитый богослов, епископ Феофан Затворник пронизательно сказал: «Кто ведет человечество и куда? — Христианин решает это иначе, чем ученые башибузуки. Бог ведет человечество к последней цели его; сие сознать и указать должен историк».

Выдающиеся русские персоналисты и моралисты предупреждали об опасности разрыва между идеей личности и идеей народности, между личным и национальным сознанием, между персонализмом и национализмом. Н.Г. Дебольский неоднократно высказывал мысль о том, что школа должна формировать не талант, а личность учащегося, так как без этого развития «таланты будут не впрок, ни человеку, ни обществу», говорил о воспитании личности в национальном духе. Философ также разработал категориальный аппарат философии науки, имеющий прямое значение для современной науки.

Другой выдающийся русский мыслитель Л.А. Тихомиров в своем фундаментальном труде «Религиозно-философские основы истории» выделял два способа познания — «внешний» и «внутренний». Познание внутреннее — основное, в котором участвует наше я, наше сознание, воля, внутреннее восприятие. Без него, по мнению философа, внешнее познание не имеет никакого значения. «Внешнее» познание с его вопросом «почему»? дает знание фактов истории (событий, дат, людей). «Внутреннее» познание дает понимание истории через постижение целей и связано с вопросом «зачем»?

Безусловно, русская национальная философия есть христианская философия, обнаруживающая связь с традицией философии западноевропейской и одновременно несущая черты существенно своеобразные. Достаточно полно это находит свое выражение в работе В.И. Несмелова «Наука о человеке». В ней, следуя принципу самосознания и принципу целостности, автор, ставя задачу на первом плане антропологическую и нравственную, уже в первой части своего труда выходит на вопросы о сознании и познании, о духе и свободе, о познании Бога, о естественной религии и откровении, о нравственном назначении человека как цели жизни.

Родоначальник классической немецкой философии И. Кант утверждал, что мир «вещей в себе» в познании истинно сущего может войти через категорический императив (через закон нравственного сознания), выступающий по отношению к живой конкретной личности как внешнее формальное требование. У Канта человеческая личность оказывается самозамкнутой, «автономной» в своих нравственных проблемах, не связанной с вопросами о существовании Бога, искуплении, вечной жизни. Против этой ложной мысли и выступает Несмелов в своем сочинении. Автор показывает, что в самосознании человека с неотразимой ясностью дано убеждение в его свободе, в его безусловной ценности, его нравственной обязательности и ответственности, что одновременно с этим сознание убеждает человека в полной зависимости его от мира вещей, одной из которых является и его личность, подверженная случайностям и в пределе смерти. Эти данные сознания находятся в противоречии, пока, по мысли автора, человек рассматривается как «член этого видимого мира». Самосознание личности

как свободной и, безусловно, ценной прямо открывает в ней свойства мира, безусловного, вечного и нравственного. Признать это сознание заблуждением невозможно, т.к. с ним связано существование личности как сознающей и действующей.

В.И. Несмелов так формулирует эту мысль: «...хотя наша собственная личность существует только в необходимых условиях физического мира, однако природою своей она все-таки выражает не мир, а истинную природу самого бесконечного и безусловного, потому что бесконечное и безусловное есть ни что иное, как свободное бытие для себя, а свободное бытие для себя и есть, и может быть только бытием самосущей личности» [Несмелов 1994: 296].

Важно подчеркнуть, что религиозное направление в русской философии было всегда наиболее плодотворным в формировании оригинальных подходов и решений вопросов бытия, познания, этики и антропологии, что нетрудно увидеть даже при первом знакомстве с работами отечественных мыслителей.

Обращение к вопросу о самобытности русской философии позволяет обнаружить в трудах выдающихся мыслителей множество ценных идей в области метафизики, этики, гносеологии, антропологии, которые не только обогащают нашу национальную культуру в целом, но и имеют теоретическое значение для развития современного гуманитарного знания.

Литература

1. Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи». М., 1980.
2. Дебольский Н.Г. О высшем благе или о верховной цели нравственной деятельности. СПб., 1988.
3. Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М.: Изд-во «Айрис -пресс». 2009.
4. Киреевский. Разум на путях истины. М., 2002.
5. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1994.
6. Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 1,2. Репринт., воспроизведение изданий 1905, 1906. Казань: Заря-Тан, 1994.
7. Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т.5. Национальный вопрос в России. С 88.
8. Страхов Н.Н. Мир как целое. 2-е изд. СПб., 1892.
9. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основания истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/18t/tihomirov/tihomirov2/1.html>.
10. Феофан (Затворник) <http://www.rosimper.ru/monarhiya/tserkovnoe-predanie-i-ego-protivniki.html?page=1>.

Е. И. Стебунова, г. Тюмень

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ СЕМЕЙНОГО УКЛАДА И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Традиционный семейный уклад россиян вот уже на протяжении многих столетий базируется на духовно-нравственных основах православия, благотворно влияющих на укрепление семейных связей и формирование детской души. Современные тенденции феминизации общества приводят к деформации традиций и разрушению семейных связей между поколениями.